

ОТПУСК & ДЕТЕКТИВ

Татьяна **УСТИНОВА**
Ольга **ВОЛОДАРСКАЯ**
и другие :-)

Татьяна Витальевна Устинова
Ольга Геннадьевна Володарская
Наталья Николаевна Антонова
Елена Ивановна Логунова
Евгения Михайлова
Ольга Баскова
Отпуск&Детектив
Серия «Великолепные
детективные истории»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69275776
Отпуск&Детектив: Эксмо; М.; 2023
ISBN 978-5-04-187894-8

Аннотация

Долгожданный отпуск! И неважно, где вы его проводите – на берегу моря или океана, в горах, в турпоездке или на любимой даче. Главное – непередаваемая атмосфера отдыха, которую хочется сохранить на год вперед. В этом нам помогут Татьяна Устинова, Ольга Володарская и другие популярные писатели. Действие их увлекательных остросюжетных рассказов происходит в отпуске, а значит, уникальные впечатления гарантированы!

Сборник детективных рассказов топовых авторов женской остросюжетной литературы «Отпуск&Детектив» подготовлен специально к летнему сезону. У вас есть прекрасная возможность познакомиться с творчеством сразу нескольких писателей и, возможно, открыть для себя новую звезду!

Содержание

Елена Логунова. Золотая Катрин	6
Татьяна Устинова. Куртка из проклятий	51
Ольга Баскова. Беспокойный отпуск	56
Глава 1	56
Конец ознакомительного фрагмента.	60

**Татьяна Устинова, Ольга
Володарская, и другие
Отпуск&Детектив**

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Елена Логунова. Золотая Катрин

– Только ты могла так хорошо устроиться! – завистливо вздохнула Трошкина, обласкав взглядом белоснежную громаду лайнера с красивым названием «Аркадия». – Взять отпуск на одной работе, чтобы попробовать на другую, причем испытательный срок пройти не где-нибудь, а в круизе!

Я не успела ей ответить, потому что заговорил Денис:

– Может, все-таки откажешься, Ин? Не нравится мне все это.

Я опять не успела ответить, потому что вскипела Трошкина:

– С ума сошел, Кулебякин?! Отказаться от бесплатного путешествия в Италию и Грецию – ради чего? Чтобы три недели сидеть в нашей пыльной провинции?! И когда – сейчас, когда в Европу особо не выберешься, вся доступная нам заграница – Абхазия и Турция?! Даже непонятно, каким чудом Мамаев запустил этот свой круиз.

– Чего тут непонятного? – пожал плечами, встряхнув сидящего на них сынишку, брат мой Зяма. – Деньги по-прежнему решают если не все, то очень многое, а их у Мамаева полно. Владелец заводов, газет, а теперь еще и пароходов...

Все снова посмотрели на лайнер. У входа на трап приплясывали на ветру разноцветные воздушные шарик, привязанные к декоративной арке, по обе стороны от нее располо-

жились музыканты духового оркестра. Они играли «Прощание славянки», щедро разбрасывая солнечные зайчики сияющими золотыми трубами.

– Пора, – сказала я, определенно чувствуя: прощанье затянулось.

Можно подумать, я не в круиз по теплым морям отправляюсь, а в суровый дальний поход.

– Я помогу с багажом. – Денис нагнулся к чемодану.

– Я тоже! Аллочка, поддержи. – Зяма передал ребенка жене и тоже потянулся за моим багажом.

– Ой, да не надо мне так кланяться, можно просто поздороваться! – засмеялся проходивший мимо пижон в белых шортах и полосатом поло, с бежевым джемпером на плечах. – Привет, Малевич! Ты тоже в плаванье?

Зяма, который по паспорту Казимир, а потому в кругу друзей-художников неизбежно Малевич, разогнулся и поморщился:

– Привет, Баклан.

И, вспомнив о привитых мамой хороших манерах, представил нам своего знакомого:

– Знакомьтесь, Антон Бакланов, фотограф.

– Фотохудожник-портретист! – поправил его тот.

Он был еще молод, но уже лыс, как колено, и по количеству производимых его загорелой глянцево-головой солнечных зайцев мог поспорить с тромбоном неутомимого оркестра.

– Как же, как же, наслышан. – Зямина улыбка сделалась откровенно кислой. – Мамаев заказал тебе фотопортрет своей красавицы жены. Говорят, за баснословный гонорар?

– Достойный моего таланта, – а вот теперь Бакланов улыбался радостно.

– Но что-то ты никак с этим заказом не справишься, да, Антош? – Наверное, братец хотел спросить это сочувственно, но получилось злорадно. – Два месяца уже трудишься, и не выходит каменный цветок?

– Так ведь шедевры – не кролики, быстро не родятся, – отшутился фотограф. – Опять же в наших родных широтах колорита мало, а вот Италия и Греция – совсем другое дело, уж там-то я развернусь.

– А еще говорят – не продается вдохновенье, – опять съязвил Зяма.

Но Бакланов его уже не услышал – кинулся с руганью к парнишке, нагруженному кофрами с аппаратурой. Тот как раз уронил одну из сумок, и та пугающе загремела.

– Везет же дуракам. – Братец покачал головой – кудрявой, не как у фотохудожника-портретиста. – Такой заказ оторвал обормот! Мамаев ему мало того что огромный гонорар посулил, так еще и на новую аппаратуру раскошелился и в круиз везет на всем готовом, лишь бы только Баклан вдохновился как нужно.

– А покажите мне этого Мамаева, – попросил Денис, озираясь.

– Какой-то тон у тебя нехороший, – отметила чуткая Трошкина. – Как в «Ревизоре»: «А подать сюда Ляпкина-Тяпкина!» Ты что-то имеешь против уважаемого владельца заводов, газет, пароходов?

– Да подозрителен он мне, всеобщий благодетель, – признался мой милый. – Бакланову этому золотые горы посулил, Инке нашей тоже наобещал с три короба...

– Усовестись, Кулебякин! – не выдержала я. – Какие еще три короба? Приличную оплату за непростую, между прочим, работу!

– Вот-вот! – развернулся ко мне любимый, играя желваками на щеках. – Что это за работа такая – дневной секретарь? Поди, есть еще и ночной? Пройдешь испытательный срок – получишь соответствующее повышение?

– Фу, как некрасиво! – втиснулась между нами Трошкина. Строгая и справедливая, как Богоматерь с младенцем. – Майор Кулебякин, что за пошлая ревность?

– Да, есть и ночной секретарь! Его Васей зовут, – сообщила я раздувающему ноздри Денису поверх плеча невысокой Трошкиной. – Уж не знаю, зачем он Мамаеву нужен, видимо, некоторые люди работают днем и ночью!

– Ясен пень, миллиардерами лежа на боку не становятся, – поддакнул Зяма. – Вот, кстати, и сам Мамаев подъехал. Гляди, Дэн, ты же хотел на него посмотреть!

На причал выехал сияющий дорогой автомобиль и подкаптал почти к самому трапу. Водитель выскочил, открыл двери

пассажирам. Джентльмен выбрался сам, а дама дождалась, пока ей подадут ручку.

– Это и есть Мамаев? – В голосе Дениса послышалось облегчение. – Да он же старикашка.

– Аркадию Кирилловичу шестьдесят два, – нарочито безэмоционально подсказала я.

– На кузнечика похож! – развеселился Кулебякин. – На сверчка, точнее. Серенький такой, в этих своих штанишках, как подстреленный!

– Это, брат, не штанишки и не серенькие, – поправил Зяма, жадно рассматривая наряд миллиардера. – А настоящий богемный яхт-шик. Стильный брючный костюм песочного цвета, идеально для мероприятия формата Cocktail Attire, вот только шейный платок тут, по-моему, лишний...

– Платочек отстойный, – радостно согласился Денис. – Такие реально только старикашки носят. – Он повернулся ко мне: – Ладно, Инка, иди уже. Не заставляй дедусю ждать.

Мамаев уже поднялся до середины трапа и, развернувшись к лайнеру спиной, снисходительно махал ручкой публике на причале и в колоннаде Морвокзала. Жена его, блондинка в белоснежном костюме, дожидалась возможности взойти на борт, нетерпеливо похлопывая по перилам ручкой с бриллиантом на пальце и притопывая по ступеньке ножкой в лаковом лофере. От этих ее телодвижений количество солнечных зайчиков на причале умножилось в разы.

– Дедуся меня не ждет, – сухо ответила я Денису. – При-

ступаю к работе только завтра в девять утра.

– И все же не будем задерживаться, я хочу еще рассмотреть интерьеры. – Зяма наконец подхватил мой чемодан и заспешил к трапу.

Мамаев и его супруга уже взошли на борт. Поднявшись, мы не увидели их на палубе, но там и без того было на что посмотреть. Неизбежная при посадке толчея мешала любоваться лайнером спокойно, в режиме неспешной прогулки, но даже марш-бросок до отведенной мне каюты позволил убедиться: «Аркадия» – шикарное судно.

– Позолота, венецианская мозаика, но при этом много воздуха, – бормотал, озираясь на ходу, братец – известный дизайнер по интерьерам. – В коридорах репродукции Климта, в каютах... да открывай уже... ага, у тебя Шиле. Экспрессионизм, значит, уважает наш дедуся. Редкий случай – есть и деньги, и вкус!

– Идем. – Алка потянула мужа за руку. – Оставим Инку и Дениса, пусть попрощаются.

Мы с Кулебякиным остались вдвоем.

Я плюхнулась на кровать, занимающую большую часть одноместной каюты, и похлопала ладонью рядом с собой, но Денис не стал присаживаться. Он опустил на корточки и, глядя мне в глаза, настойчиво попросил:

– Пожалуйста, будь внимательна и осторожна. У меня дурное предчувствие...

– С чего это? Не на «Титанике» плыву. – Я попыталась

отшутиться.

– Не знаю. Должно быть, интуиция матерого опера, – не улыбнулся майор Кулебякин.

– Не нагнетай, – попросила я.

А надо было прислушаться.

Интуиция матерого опера – вещь посильнее «Фауста» Гёте!

Через несколько дней после отплытия жизнь на лайнере вошла в свою колею. То есть праздные путешественники, конечно, каждый день предавались все новым удовольствиям, а вот у меня потянулась рутина. На берег я не ходила, так как должна была находиться рядом с боссом, а тот редко покидал свои покои.

У Мамаева апартаменты были не чета моей скромной каютке: гостиная, спальня, столовая, кабинет и еще библиотека, подсобные помещения вроде туалета-ванной-гардеробной вообще не в счет. У него даже собственный бассейн на персональной палубе имелся, массажный кабинет, сауна, две бани – инфракрасная и турецкая, а также тренажеры. Зачем, в самом деле, выходить из такого жилища? А видами портовых городов, в которые заходила «Аркадия», ее тезка и владелец любовался с террасы и через панорамные окна своих апартаментов.

Я, конечно, немного досадовала, что лишена возможности посещать достопримечательности в городах по маршру-

ту круиза, но утешала себя тем, что, в отличие от прочих пассажиров, в путешествии не трачу денежки, а зарабатываю их. И не сказать, что в поте лица!

Как оказалось, главной моей задачей было следить за расписанием Аркадия Кирилловича и фиксировать его выполнение (или редкие отклонения от него) в специальном журнале. День босса даже в круизе был расписан поминутно, и Мамаев практически никогда не оставался один. И днем, и ночью поблизости – необязательно в том же помещении, но не дальше, чем за стеночкой, – находился секретарь.

Не знаю, чем по ночам занимался на посту мой сменщик Вася, а я работала с документами, разбирала почту, писала письма... Если честно, работы было не так уж много, и порой я откровенно скучала.

От нечего делать рассматривала интерьеры, о чем меня особо просил Зяма, у которого не было возможности лично попасть в апарт Мамаева. Недолго думая, я просто фотографировала те помещения, к которым имела доступ, камерой своего смартфона и отправляла снимки братцу.

Если у него возникали вопросы, он мне звонил или писал и уточнял, как вот сейчас:

– А это что за блямба на стене, не понял?

– Сама еще не поняла, если честно, – призналась я, понизив голос, чтобы не услышал босс в своей спальне.

Дежурный дневной созвон с родными и близкими производился вскоре после обеда, когда у Аркадия Кирилловича

по расписанию был тихий час. Сиеста, как принято говорить в тех странах, вдоль прекрасных берегов которых мы плыли.

– Но это не блямба. Какие-то доски.

Я встала из-за стола и подошла к стене, на которой помещался предмет разговора.

– Даже не знаю... Оригинальное художественное произведение «Деревянный квадрат»?

– Ближе покажи, – потребовал Зяма, и я переключила камеру, направив ее на стену. – Нет, это явно не цельная доска, вижу вертикальную линию стыка посередине... Так, теперь сбоку покажи. О! Я понял!

– Объясни, – потребовала я, устав терзаться любопытством.

Скучный деревянный квадрат на стене не представлялся мне объектом, достойным любования, и было совершенно непонятно, почему Мамаев повесил перед столом в кабинете именно его. В других помещениях стены украшали очень симпатичные акварели.

– Это киот.

– Да ладно?! – не поверила я.

Прекрасно знаю, что такое киот: это шкафчик или застекленная рама для хранения иконы. Само слово происходит от греческого κίβωτος – «ящик, ковчег», а назначение предмета – обеспечить максимальную сохранность иконы, защитив ее от непосредственных прикосновений, пыли, влаги, а также перепадов температуры.

– Мамаев не производит впечатление человека религиозного. И потом, разве иконы не в углу вешают? В правом, именном красным?

Зяма хихикнул:

– Это в крестьянских избах. В жилищах миллиардеров свои правила. И, думаю, там никакая не икона.

– А что тогда?

– Вот и мне это интересно! Что такое твой босс прячет от чужих глаз? – Голос брата зазвенел азартом. – В столовой открыто висят акварели Тьерри Дюваля и Джозефа Збуквича, явно подлинники, в гостиной – авторские работы Стива Хэнкса, его эмоциональный реализм ни с чем не перепутаешь. Боюсь представить, что хранится в киоте. Ты не слышала, Лувр не ограбили, «Мона Лиза» на месте?

– Да ладно, Мамаев не настолько богат, чтобы владеть мировым шедевром, – возразила я неуверенно.

Киот и на меня произвел впечатление.

– Хочешь, я попробую его открыть? – Во мне вдруг проснулся дух авантюризма.

– Ни в коем случае! Даже не думай! – встревожился Зяма. – Он наверняка под охраной, тронешь неосторожно – включится сигнализация! Тебя арестуют, попрут с этой работы...

Я не успела растрогаться, что братец принимает так близко к сердцу мою судьбу.

– ...и я никогда не узнаю, что там спрятано! – договорил

Зяма. – Не трогай его руками. Вообще не выдавай своего интереса. Лучше попытайся неназойливо расспросить босса или просто подсмотреть... Не может быть такого, чтобы он всегда держал киот закрытым? Наверняка периодически уединяется, распахивает створки и эгоистично любит шедевром в полном одиночестве!

– Возможно, – согласилась я. – Давай потом поговорим, мне нужно кое-что проверить.

Я открыла журнал, который вела самым добросовестным образом, и с новым интересом изучила распорядок дня Мамаева.

Мне представлялось, что человек, который так детально планирует свое времяпрепровождение, не мог не включить в расписание момент общения с неизвестным мне (пока) произведением искусства.

Да вот же!

Мой палец застыл на строчке, повторяющейся изо дня в день: «8.45–9.00, просмотр почты»!

В восемь из покоев босса уходит ночной секретарь Василий, оставляя Мамаева наедине с доктором – Аркадий Кириллович очень заботится о своем здоровье и возит с собой личного врача. Но доктор укладывается с дежурным осмотром в четверть часа, это тоже записано в журнале, и в 8.15 является горничная, чтобы сделать уборку. Уходит она ровно через полчаса, а я заступаю на пост в 9.00, значит, на пятнадцать минут босс остается в одиночестве. Причем как раз

в кабинете: каждое утро я нахожу его именно там. Но вовсе не за компьютером! Просмотр почты мы начинаем вместе, и это я всякий раз первой открываю новые письма!

Ах, Мамаев, ах, хитрец!

«8.45–9.00, созерцание таинственного шедевра в киоте» – такой должна быть правильная запись!

Чтобы раскрыть эту тайну, мне всего-то нужно явиться завтра на работу на четверть часа раньше обычного.

Наутро я прибыла к месту свершения своих скромных трудовых подвигов с опережением графика – в 8.40. Увы мне, дверь покоев босса оказалась банально заперта.

Но я совсем недолго скучала в одиночестве – почти сразу за мной явился Бакланов. Я немного удивилась, потому что в расписании Мамаева этого визита не было, но решила, что сегодня, наверное, день такой: не только у меня возникло желание нарушить строгий режим.

Фотохудожник-портретист был нервозен. Он перекладывал из руки в руку кожаную папку и сердито сопел. Мне лишь кивнул, разговор заводить не пожелал, ну и я тоже не стала утруждать себя реверансами.

Едва дверь, под которой мы с ним переминались, открылась, Бакланов ринулся внутрь, чуть не сбив с ног выходящую горничную.

– Осторожнее! – возмутилась она, в последний момент уклонившись от столкновения. И пожаловалась мне: – Какой

невоспитанный тип!

– Зато, говорят, талантливый, – дипломатично ответила я, прикидывая, не ворваться ли мне в апартаменты на плечах штурмовавшего их Бакланова.

Можно ведь сделать вид, будто я пытаюсь остановить нарушителя порядка, и под этим предлогом вломиться за ним в кабинет. Мамаев там, наверное, как раз киот открывает, можно будет увидеть его таинственное содержимое.

– Кто это говорит? Екатерина Максимовна? – Горничная хмыкнула и плотно прикрыла дверь перед моим носом.

– Я слышала, супруга Аркадия Кирилловича разбирается в искусстве.

– Да уж, она такая разборчивая. – Горничная, покачивая головой, пошла по коридору.

Я задумчиво посмотрела ей вслед, а когда женщина свернула за угол, прижалась ухом к двери.

– Но это уже восемьдесят пятый вариант! – донесся до меня звенящий негодованием голос Бакланова.

– Да хоть сто восемьдесят пятый, – невозмутимо ответил Мамаев. И добавил еще что-то, чего я не расслышала.

В отличие от фотографа босс не орал.

Зато я услышала приближающийся топот и вовремя отпрыгнула от двери.

Бакланов, размахивая папкой, выскочил в коридор и помчался, буквально сверкая пятками в звучно шлепающих резиновых тапках. Соблюдением дресс-кода художник не оза-

ботился, явился на аудиенцию к заказчику в шортах и майке. Творческая личность, что с него возьмешь!

Хотя кое-что можно... На полу валялся белый лист, выпорхнувший из папки Бакланова.

Я подняла его, перевернула: это оказалась распечатанная на принтере фотография. Портрет эффектной дамы в летящих одеждах на фоне морского заката – Екатерины Максимовны Мамаевой.

Я пересняла его камерой мобильного, сложила лист и сунула его в сумочку, а сделанное фото переслала Зяме с вопросом: «Знаком с ней?»

Расписание Аркадия Кирилловича времяпрепровождение Екатерины Максимовны не регламентировало, и у меня сложилось впечатление, что супруги не всякий день видятся. Что до ночей, то у каждого из них была отдельная спальня в персональных апартаментах. Не знаю, как часто встречались сами «половинки», а я мадам Мамаеву видела всего раз или два.

Точно, два: перед самым отплытием и днем позже, за торжественным ужином, когда все познакомились. Помнится, Аркадий Кириллович меня Екатерине Максимовне представил, а она закатила глаза, припоминая: «Индия Кузнецова, Индия Кузнецова... где-то я слышала...» – но не справилась с ранним склерозом и потеряла ко мне интерес.

Сейчас я сопоставила это со словами горничной о том, что любительница искусства Екатерина Максимовна «такая раз-

борчивая», и возникло у меня одно нехорошее подозрение...

Зазвонил мой смартфон. Я посмотрела, кто меня вызывает. Хм, помяни черта...

– Ну прям Ника Самофракийская! – язвительно прокомментировал полученное фото Зяма. – Это и есть хваленый шедевр Баклана?

– Восемьдесят пятая попытка создать шедевр. Заказчик не спешит принять работу.

– Ха! Так Баклану и надо! – порадовался братец. – Будет знать, как зазнаваться раньше времени!

– Родной, а у тебя только творческая ревность? – вкрадчиво спросила я. – Скажи, насколько близко ты знаком с мадам Мамаевой?

– Что за вопрос, Дюха? – Зяма занервничал. – Ты знаешь, у меня было бурное прошлое, но после свадьбы с Аллочкой я никогда...

– А до свадьбы, значит, у тебя с Мамаевой что-то было, – догадалась я.

– До свадеб! – уточнил братец. – Она тогда еще не была Мамаевой. А почему ты вообще об этом спрашиваешь?

– Она как-то странно реагировала на мое имя. «Индия Кузнецова, Индия Кузнецова... где-то я это слышала...» – передразнила я пресловутую мадам.

– А! Наверняка я рассказывал ей о нашем дружном семействе, уже не помню сейчас, давно это было. – Зяма поторопился свернуть разговор.

Я посмотрела на часы на дисплее смартфона – до начала моего рабочего дня оставалось четыре минуты. Я решила ими пренебречь. Точность – вежливость королей, а я-то девушка простая: мама – писатель, папа – полковник в запасе. Брат в прошлом ловелас, каких еще поискать...

Звякнул смартфон.

«Аллочке не говори, она про Мамаеву не знает», – написал мне Зяма.

«Не скажу», – пообещала я в ответ и толкнула дверь покоев босса-миллиардера.

Опоздала: Аркадий Кириллович как раз закрывал створки деревянного киота. Даже не дал мне подсмотреть, где та кнопочка, нажатием которой таинственный шкафчик ставится под охрану! Едва я сунулась в кабинет, сразу скомандовал:

– Индия, закройте двери на веранду!

Я молча отступила, развернулась к гостиной, и уже в спину мне прилетело:

– И шторы! Велите им не шуметь, пожалуйста!

В гостиной было светло от утреннего солнца и пляшущих на потолке бликов от воды в бассейне. За стеклянной стеной на просторной террасе разворачивалась подготовка к фотосессии. Все шезлонги, кроме одного, были сдвинуты в сторону, а перед оставшимся парнишка-помощник Бакланова создавал композицию из одного софита и двух штативов – с фотокамерой и с белым зонтом. В углу под навесом на выне-

сенном из гостиной полумягком кресле восседала Екатерина Максимовна в белоснежном махровом халате, перед ней высилось большое зеркало, за ее спиной стояла Клавдия – личный стилист мадам.

Быстрым шагом из покоев Мамаевой на террасу с бассейном вышел Бакланов. Он небрежно швырнул свою папку на ближайший шезлонг, взмахом руки отогнал прочь Клаву, навис над мадам и начал что-то ей выговаривать. Та, сидевшая в расслабленной позе, напряглась, вздернула подбородок и возбужденно затрясла головой, отвечая фотографу.

Я толкнула дверь, выглянула на террасу и громко сказала: – Всем доброго утра и творческих успехов! Аркадий Кириллович просит тишины, не шумите, пожалуйста!

– Ах, тишины он просит! – с готовностью развернулся ко мне Бакланов. – Покоя жаждет!

– Антон, – недобро зыркнув на меня, позвала Мамаева.

– Что – Антон? Что – Антон?! Я виноват, что ему все не нравится?!

– Закройте дверь, Инга, мы постараемся не шуметь, – холодно сказала мне мадам.

– Индия, – напомнила я и потянула дверь на себя.

Но еще успела услышать, как фотограф заорал:

– Какая пудра с блестками, с ума сошли?! У Катьки лицо будет в пятнах, как сито дырявое!

Я прикрыла дверь и задернула плотные шторы, полностью закрыв вид на террасу. В гостиной сделалось темно и тихо.

– Индия, давайте займемся почтой! – донеслось из кабинета.

В голосе Аркадия Кирилловича угадывалось легкое недовольство. Не мной, надеюсь? Я не опоздала, даже немного раньше пришла.

Успокоив себя, что босс, наверное, на психованного фотографа злится, я проследовала в кабинет.

Эх, жизнь несправедлива: кому в бассейн погружаться, а кому в рутину трудового дня...

В 20.30 я сдала вахту ночному секретарю Василию и отправилась в бар. Хотелось тоже немного приобщиться к празднику жизни.

В баре было шумно и весело. Я с порога огляделась, пренебрегла компанией нетрезвых молодых людей, приветствовавших мое появление одобрительным свистом и призывными взмахами рук, и предпочла присоединиться к группе товарищей по несчастью. За дальним столиком чинно соображали на троих мои временные коллеги из штата сотрудников супругов Мамаевых: личный врач Аркадия Кирилловича Рубен, стилист Екатерины Максимовны Клавдия и их общая горничная Лиза.

– Не помешаю? – спросила я, подойдя.

– Как можно? Мы тут лечимся. – Рубен скользнул по кожаному диванчику, освобождая мне посадочное место. – Медициной установлено, что люди, употребляющие неболь-

шие дозы алкоголя, меньше подвержены смерти от нарушений давления. А еще употребление спиртных напитков во многом предотвращает развитие желчнокаменной болезни! – Доктор набулькал мне в стакан граммов пятьдесят крепкой шотландской «микстуры».

– А вот от разлития желчи виски не спасает, – помотала головой Клава, уже заметно нетрезвая. – Бакланчик наш уже весь желтый от злости и горьким ядом сочится, будто дерево гончар.

– Анчар, – машинально поправила я и вопросительно посмотрела на заботливого доктора. – Рубен, а вы только за здоровье Аркадия Кирилловича отвечаете или мы все тут ваши пациенты?

– Какие пациенты, душенька, что вы? Я вижу на редкость здоровых, можно сказать, цветущих людей! – запротестовал доктор, снова хватаясь за бутылку. – Еще по пятьдесят? Исключительно в целях профилактики.

– Клавка, пошли танцевать! – Горничная, уже изрядно подлечившаяся, утащила стилистку на танцпол, и мы с Рубеном остались за столиком вдвоем.

– Индия, душенька, я вижу, нам нужно побеседовать. – Он заговорщицки склонился ко мне. – Мне кажется, вы неправильно трактуете мое присутствие на борту. Признайтесь, решили, что господин Мамаев слаб здоровьем и нуждается в постоянном врачебном присмотре?

Я немного смутилась.

Ну да, именно так я объяснила себе регулярные – дважды в день – визиты доктора к боссу.

– Ему за шестьдесят. И ведь здоровый человек не повез бы в круиз личного врача? – ответила я вопросом на вопрос.

– А я не личный врач Аркадия Кирилловича! – громким шепотом сообщил мне Рубен и радостно засмеялся.

«Кажется, коллеги приговорили на троих не одну бутылочку, – подумала я. – Вон, девушки на танцполе качаются, как рябинки на ветру, а доктор выдает мне свои секреты».

– Личный врач Мамаева, чтоб вы знали, профессор Арутюнян из краевой клинической, – просветил меня Рубен.

– А вы разве не Арутюнян? – не поняла я.

– Я Арутюнян! – Доктор энергично кивнул и приосанился. – Арутюнян, и еще какой! Но не профессор пока что, а только доцент. Профессор – мой дядя. Он мне и устроил эту замечательную шабашку! – Рубен раскинул руки и стал прищелкивать пальцами в такт музыке. – Вах, красота! Вах, хорошо! Два раза в сутки проведаль уважаемого пожилого человека, температуру ему измерил, давление, сахар, пульс посчитал – и гуляй, Рубенчик! Повезло, что дядя клинику оставить не может.

– Так вы, получается, тоже совсем недавно знакомы с Аркадием Кирилловичем? – удивилась я. – А я-то думала, он с персональным доктором не расстается, потому что неважно себя чувствует.

– Он чувствует себя важно! – Доцент Арутюнян опять за-

смеялся.

– Тогда не понимаю... Я ведь решила, что строгое расписание с обязательным присутствием какой-нибудь живой души поблизости – это мера безопасности, – призналась я. – На случай, если боссу вдруг станет плохо.

– Вот! Именно об этом нам надо поговорить. – Доктор постарался сесть ровно и сделал строгое лицо. – С Аркадием Кирилловичем все в порядке, просто он очень мнительный. Бывают, знаете ли, люди, которые настолько дорожат своим здоровьем, что панически боятся малейшего ему ущерба и готовы при первом же чихе найти у себя пару-тройку смертельных болезней...

– От родильной горячки до воды в коленной чашечке, – пробормотала я, вспомнив любимого О'Генри.

– Да! Точно! – Доцент Арутюнян очень обрадовался моему пониманию. – И Аркадий Кириллович, насколько я могу судить, именно такой! А потому вы, милочка, ни в коем случае не должны укреплять его в разрушительных мыслях о собственном нездоровье!

– Да как я его в них укрепляю?!

– А так! – Рубен вытаращил и без того выпуклые глаза и щедро добавил во взор вековечной скорби. – Вы смотрите на него так сочувственно и жалостливо! Как будто он умирающий!

– Так я же думала...

Я смешалась.

– А вы не думайте, милочка. – Доцент похлопал меня по руке. – Наслаждайтесь жизнью. Этим прекрасным моментом! Когда еще доведется вот так, на просторах Средиземноморья и Адриатики, под звездным небом сладостного юга, да в прекрасной компании! – И он потянул мою руку к своим густым усам, явно намереваясь ее облобызать.

Я высвободила руку и погрозила доктору пальцем:

– Не нужно ко мне клеиться! У меня жених есть.

– А у меня вообще жена! – отмахнулся веселый эскулап. –

Но кого и когда это останавливало, да?

Он подмигнул мне, но я решила не продолжать тет-а-тет, встала из-за столика и, сообщив, что должна попудрить носик, ретировалась в дамскую комнату.

Когда вышла из нее, увидела, что доктор самозабвенно отплясывает с Клавой и Лизой, а за столиком сидит нахохленный и угрюмый Бакланов. Подойдя за оставленным на стуле жакетом, я заметила, что фотохудожник тоже сильно нетрезв, но, в отличие от доктора и барышень, совсем не весел.

При моем появлении он поднял голову, скользнул по мне расфокусированным взглядом и пробормотал что-то вроде «восемьдесят шесть коту под хвост».

Я не стала уточнять, что имелось в виду – явно не ректальные термометры, – молча взяла свой жакет и удалилась.

Уже на подходе к своей каюте встретила в коридоре с красивой, как кукла, мадам Мамаевой.

– Инна...

– Индия. – Я остановилась, вежливо давая мадам возможность закончить начатую фразу.

– Конечно, Индия. – Екатерина Максимовна выглядела безупречно, но была чем-то сильно озабочена. Гладкий белый лоб прорезала горизонтальная морщинка. – Вы не видели Антона?

– Видела и Антона, и Рубена, и Лизу, и Клавдию в баре на третьей палубе, – не скрыла я.

– И что они все там делали? – поморщилась мадам.

– Думаю, спаивали коллектив.

– Спаяли?

– Спойли. – Я открыла свою дверь ключ-картой и шагнула в каюту. – Спокойной ночи, Екатерина Максимовна!

В ответ в коридоре раздался негромкий звук удара. Мне показалось или изысканная мадам бухнула в стену кулачком?

Вот кому не помешало бы принять микстуру от нервов.

Наутро я пробудилась раньше обычного, но вовсе не потому, что выспалась. На рассвете «Аркадия» вошла в порт, и этот процесс сопровождался сложносоставным шумом: менялся звук работы двигателей, слышались гудки, что-то гремело, стучало, кто-то бегал, топал, слышны были возгласы и целые тирады на русском и греческом.

Я села в своей узкой, но вполне удобной кровати, посмот-

рела в окно-иллюминатор на крутой берег, сплошь облепленный, как птичьими гнездами, кубиками белых, розовых и голубых домиков, и вздохнула. Не доведется мне погулять по прекрасному острову, опять придется сидеть в четырех стенах со старичком-миллионером! Прямо новая версия старой сказки «Василиса и Кощей».

Для полноты сходства с Василисой я старательно заплела косу, умылась, оделась и направилась в чертог Кощея Кирилловича. Думала, приду пораньше, раз все равно уже не сплю, авось повезет увидеть содержимое киота.

Очень уж оно интриговало меня. Я перед сном даже поиск в Интернете учинила, пытаюсь выяснить, какие такие бессмертные произведения искусства поменяли владельцев за последние полгода.

Приблизительно определиться со сроком мне помог Зяма. Братца тоже очень интересовал шедевр в киоте (неуемное любопытство – наша семейная черта), и поздно вечером, когда я уже вернулась из бара, он позвонил мне, чтобы узнать, не разгадала ли я эту тайну. Проболтался, что с бывшей своей подругой, нынешней супругой Мамаева, до сих пор эпизодически общается, но уже бесконтактно, в режиме, который англичане называют small-talk – «короткая беседа», разговор «ни о чём». Таковой, как известно, имеет огромное значение в культурах англоговорящих стран, но практикуется и в нашем светском обществе. А Зяма, модный и дорогой дизайнер, вхож в соответствующие круги.

– На Рождество виделись у губернатора на балу, танцевали с ней даже, и Кэт ни полслова мне про этот шедевр не сказала! – возмутился братец.

– А должна была? – не поняла я. – Кто ты ей, чтобы откровенничать?

– Да при чем тут откровенность? Как можно – таким приобретением не похвалиться? – удивился Зяма. – Должно быть, Кэт тогда просто не знала о нем, Мамаев купил шедевр недавно. Или сделал это втихомолку. Тайно приобрел и заныкал.

– В смысле – заныкал? Спрятал в киот?

– Заныкал – в смысле, жене ничего не сказал. А, ты же не знаешь! – Братец оживился. – Кэт очень повезло оказаться в нужном месте, я имею в виду замужем за нашим миллиардером, в нужное время. Мамаев, чтобы под санкции не попасть, кучу добра на жену переписал, так что она и сама теперь дамочка очень состоятельная. Может не беспокоиться о своем будущем и заодно не бояться, что какая-нибудь новая красотка у нее богатого мужа уведет. Мамаев с ней теперь не расстанется, иначе ему и с заводами-газетами-пароходами попрощаться придется.

– А шедевр? – Я вернулась к теме.

– Что шедевр?

– Его не придется делить, если их брак распадется?

– Не распадется, – уверенно сказал Зяма. – Мамаев этого не допустит. Во всяком случае, пока не сможет все активы

обратно на себя переписать, а нынешняя ситуация, сама знаешь, к этому не располагает.

Закончив разговор с братом, я поискала в открытых источниках информацию о картинах, проданных на аукционах за последние полгода-год. Узнала, что в минувшем году общая стоимость произведений искусства, реализованных аукционными домами Christie's, Sotheby's и Phillips, достигла почти 18 миллиардов долларов, что стало рекордным показателем для всего арт-рынка. Ознакомилась с топ-10 самых дорогих картин, ушедших с молотка в интересующий меня период, но решила, что у Мамаева в киоте что-то другое – не из этого списка. Там все-таки очень дорогие полотна были: за занявший первое место в рейтинге портрет Мэрилин Монро работы Энди Уорхола заплатили рекордные 195 миллионов долларов! Мамаев не настолько богат, тем более теперь, после того как переписал свои активы на супругу.

Я сменила язык поиска на английский и без особого труда нашла специализированный сайт с базами данных аукционных результатов. Там не было информации о покупателях, зато указывались жанровая принадлежность полотен и их размеры.

Я вспомнила габариты киота – довольно небольшого и почти плоского, и рассудила, что картина маслом в подобающей раме туда точно не влезла бы. Отфильтровала произведения по технике исполнения и размерам, а потом, вспомнив Зямины комментарии во время пробежки по судну, сде-

лала выборку по поисковым запросам «экспрессионизм» и «модерн».

Оказалось, в интересующий меня период с молотка не особенно дорого ушли две акварели Эгона Шиле, один из набросков к известному портрету работы Густава Климта, гравиюра Василия Кандинского и рисунок Макса Бекмана, сделанный в самом обыкновенном блокноте «на пружинке». Не супершедевры, уж точно не «Мона Лиза».

Несколько успокоившись, я легла спать.

А утром, выйдя из своей каюты, неожиданно попала в плотный встречный поток: по коридору на выход нестройной толпой шли люди, причем знакомые.

Зевающая в ладошку Екатерина Максимовна меня то ли не узнала, то ли даже не заметила, – обошла, не удостоив внимания, как столб.

Следующая за ней Клавдия зыркнула недружелюбно, проворчала:

– Тебе-то чего не спится? – и прошла дальше, не дожидаясь ответа.

Я не обиделась: по зеленоватому и помятому лицу стилиста было видно, что ей не очень хорошо после вчерашнего. В таком состоянии нужно в постели лежать и рассол пить, а не гулять по горам и долам. Хотя Клава, судя по всему, не на променад собралась, а на работу: в одной руке у нее был чемоданчик, раскладывающийся, как я знала, в подобие туалетного столика с зеркалом, в другой – сразу несколько ве-

шалок с нарядами в чехлах.

За Клавой шел еще более нагруженный Дима, ассистент Бакланова. На плече у него на манер коромысла в неустойчивом равновесии помещался сложенный штатив, надетая поверх футболки разгрузочная операторская жилетка топорщилась набитыми карманами, через грудь висел профессиональный фотоаппарат на ремне, даже на голове была камера GoPro. Поблескивающая на лбу линза придавала молодому человеку сходство с циклопом. Я подумала, что это хорошо сочетается с греческим островом, и хихикнула.

– Ну хоть кому-то весело. – Парень встрепнулся, отреагировав на мой смешок. – Привет!

– Привет, вы на берег? – Я посторонилась, чтобы дать Диме с его штативом больше места.

– На натуру, чтоб ее! – со вздохом провозгласил он и оглянулся, отчего штатив опасно поехал по кругу, едва не задев меня по уху.

– Не тормози, – буркнул шествующий замыкающим Бакланов.

Вид у него был помятый, настроение явно пасмурное. В руке полуторалитровая бутылка минералки, на плече сумка для ноутбука.

Привычно не удостоив меня приветствиями, фотограф бутылку подпихнул в спину замешкавшегося ассистента и погнал жертв искусства дальше.

Я проводила их взглядом до поворота коридора, пожала

плечами и пошла себе дальше.

У Мамаева как раз был доктор. Едва войдя, я услышала его голос:

– ...состояние внушает беспокойство, – и несколько на-
пряглась.

Вчера доцент Арутюнян уверял меня, что с боссом все в порядке!

Не то чтобы я сильно тревожилась за Аркадия Кирилловича – кто он мне? Всего-навсего работодатель, никаких иных отношений, кроме трудовых, у нас нет. Узнать его как человека я еще не успела, проникнуться симпатией не смогла. Мое беспокойство объяснялось исключительно тем, что уж очень мне не хотелось оказаться в ситуации, когда придется самолично оказывать боссу экстренную медицинскую помощь. Сестра милосердия из меня еще та, я разве что ссадину зеленкой залить в состоянии, но вряд ли Мамаеву потребуется лечить разбитые коленки.

– И что вы предлагаете? – как обычно, негромко и спокойно спросил босс.

– Есть прекрасные препараты с успокаивающим действием, полностью натуральные лекарства, способные справиться со стрессом...

– А как же тонкость восприятия? Разве оголенные нервы – не обязательное условие творчества?

Это было похоже не на консилиум, а на абстрактную дискуссию. Я успокоилась.

Мамаев и Арутюнян беседовали в кабинете. Надо как-то сообщить о моем приходе, чтобы не получилось, что я невежливо подслушиваю, – я погромче хлопнула дверь.

Из кабинета выглянул доктор.

– Душенька, что вы так рано? Не спится? Бессонница? А есть прекрасные препараты...

– Индия, сделайте нам кофе, – не показавшись и не поздоровавшись, распорядился Мамаев. – Мне как обычно.

– А мне капучино с двойным кокосовым сиропом. – Арутюнян улыбнулся и снова скрылся за дверь.

Я прошла в зону кухни и включила кофемашину. Приготовила кофе по-венски для босса, капучино для доктора и американо для себя. Отнесла им в кабинет чашки, воду, сахарницу и вазочку с курабье на подносе, вернулась в кухонный закуток и выпила свой кофе с печеньем.

День обещал быть долгим, имело смысл подкрепиться.

Ушел доктор, явилась горничная. Что значит молодость: по Лизе вовсе не было видно, что вчера она злоупотребляла алкоголем. Мое присутствие на рабочем месте ее удивило, но не сильно. Мне показалось, что девушке хотелось поболтать с кем-то близким ей по возрасту и статусу. Что ни говори, а секретарь в табели о рангах не намного выше горничной.

– Наши-то на остров отправились. – Ловко протирая и без того чистое стекло большого панорамного окна, Лиза подбородком указала на берег. – Эх, красота-то какая! Может, на этот раз Антон не оплошает.

– В каком смысле?

– Ой, а ты что подумала? – Девушка покраснела. – Я про портрет Екатерины Максимовны, разумеется. Все же знают, что уже срок подходит, Антону скоро работу сдавать, а у него никак не получается угодить Аркадию Кирилловичу.

– Видимо, у них разные представления о прекрасном, – философски заметила я.

– Да ладно, разные! – Лиза засмеялась, потом ойкнула и хлопнула себя ладошкой по губам.

Эта пантомима меня заинтересовала. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять, на что намекала горничная – и сейчас, утверждая, что вкусы у Мамаева и Бакланова одинаковые, и раньше, когда съязвила на счет разборчивости нашей мадам. Зная, что у Екатерины Максимовны была интрижка с Зямой, я могла предположить, что супруга босса питает слабость к молодым талантливым художникам, и с Антоном они не только творческим проектом занимаются. Это, кстати, объясняло и супервыгодный заказ, полученный Баклановым от Мамаева: наверняка мадам подсуетилась, уговорила мужа облагодетельствовать возлюбленного фотографа.

Странно только, что Аркадий Кириллович на это согласился. Он не производит впечатления тугодума, неспособного сложить два и два.

Хотя что я знаю о взаимоотношениях супругов Мамаевых? Может, Екатерина Максимовна держит благоверного за

горло? Это же она теперь владелица заводов, газет, пароходов, а Мамаеву в его положении не позавидуешь. Даже зная, что у него растут и ветвятся рога, бедняга должен делать хорошую мину при плохой игре.

Лиза закончила уборку и ушла. Аркадий Кириллович с четверть часа пребывал в кабинете в одиночестве, – я изнывала от недостойного желания хотя бы в замочную скважину заглянуть, – потом позвал меня, и мы сели разбирать почту.

Доставили завтрак. Боссу чинно-благородно накрыли в столовой, мне, как обычно, вручили ланчбокс, и я с аппетитом уплела его содержимое на кухне. Жить стало лучше, жить стало веселей. До обеда я писала ответы на те письма, которые Мамаев считал достойными отклика, согласовывала с боссом тексты, отправляла их адресатам. После обеда Аркадий Кириллович удалился на заслуженный послеполуденный отдых, а я осталась в кабинете. До конца дня мне предстояло разобрать стопку накопившихся распечаток и факсов: просмотреть их, рассортировать, разложить по папкам.

Неожиданно один из документов, пришедших по электронной почте, меня заинтересовал. Это был договор подряда, заключенный Мамаевым с Баклановым, с комментариями адвоката Аркадия Кирилловича. Мелкими буквами, убогим почерком юрист на полях пояснял отдельные пункты договора. Изучив сам текст и пометки к нему, я поняла, что Зяма совершенно напрасно завидовал Бакланову. Договор только выглядел супервыгодным, на самом деле он был

кабальным.

Очевидно, фотограф так прельстился несусветной суммой обещанного ему гонорара, что даже не дал себе труда как следует ознакомиться с условиями договора, а они были жесткими. В случае невыполнения взятых на себя обязательств по созданию «высокохудожественного оригинального произведения – фотопортрета Е. М. Мамаевой» Бакланов должен был вернуть полученный аванс (сто тысяч рублей) и возместить затраты на приобретение оборудования, реквизита, костюмов, оплату работы нанятого персонала и прочие накладные расходы, включая стоимость круиза для трех человек – самого фотографа, его ассистента и приглашенного стилиста. Я прикинула, на какую сумму Антон попадет, если не выполнит работу, и, не удержавшись, присвистнула. Пойдет наш фотохудожник-портретист по миру голым! Прямо из Греции, пешочком и даже без узелка с пожитками на палочке: до крайнего срока осталось меньше недели!

Даже Зяма, услышав об этом, посочувствовал Антону:

– Да-а, влип Баклан, как кур в ошип! Он что же, не оговорил в договоре количество вариантов? Обычно это три-пять, с таким гонораром, ладно, можно десять сделать, но не ваять же до бесконечности! Клиенты, знаешь, не всегда вменяемые бывают, у некоторых такие элитные тараканы в голове, что им никак не угодишь. Тем более речь о произведении искусства, а уж тут на вкус и цвет похожих нет.

– Кому и горький хрен малина, а нам и бланманже по-

льнь, – поддакнула я словами Козьмы Пруткова. – У нас уже тут все в курсе, что Мамаев капризничает, никак работу не принимает, а Бакланов нервничает и из себя выходит.

– Да? Ты тогда на всякий случай подальше от него держись, от Баклана-то, – встревожился братец. – Антоша – он же психованный! И разораться может, и швырнуть чем-нибудь тяжелым. По слухам, однажды чуть под суд не пошел – избил натурщицу, как-то не так она ему, видите ли, позировала, мешала гениальный творческий замысел воплотить. Хорошо, девчонка сговорчивая оказалась, взяла отступные, забрала заявление, а то снимал бы наш Баклан портреты эсков и пейзажи лесоповалов.

После ужина я откровенно бездельничала и скучала. Листала книжки из библиотеки Аркадия Кирилловича, дожидаясь, пока истечет срок моей вахты, и с радостью встретила появление сменщика.

Он явился сияющий, точно греческое солнышко, и не с пустыми руками – принес свежую, еще пахнущую химией фотографию. На острове был, поняла я, завидуя.

– Вот. – Вася торжественно фото вручил боссу. – Наш талантливый друг представляет на ваш суд свое очередное произведение.

– Ну-ка. – Босс взял снимок. Заметив, что я вытягиваю шею, силясь рассмотреть изображение, он повернул его ко мне. – И как вам, Индия?

– Роскошно, – сказала я, потому что это было самое под-

ходящее слово.

Натура греческого острова не подкачала. Пляжный песок, набегающая на него легкая волна, лежащая в полосе прибоя обнаженная красавица, ее разбросанные кудри, даже круглая соломенная шляпа, положенная на живот и образовавшая минимальное прикрытие женских прелестей, – всё было цвета золота. Я будто не на фото смотрела, а на полированную пластину драгоценного металла с чеканкой.

Не знаю, насколько высокохудожественным был этот портрет, но он определенно производил впечатление и мог украсить собой если не музейную экспозицию, то обложку модного журнала.

– Н-да... Золотая Катрин, – задумчиво произнес Мамаев и вдруг вернул фото Васе. – Довольно пошло, мне кажется. Я хотел бы видеть свою супругу в более пристойном виде. Так и передайте нашему талантливому другу. А впрочем, не надо, я сам ему скажу. – Он ушел в кабинет.

– А мне казалось, это гениально, – огорченно пробормотал Вася. Я заподозрила, что Бакланов пообещал ему процентик от гонорара за содействие, но осмотрительно промолчала.

Невозмутимый Аркадий Кириллович вышел из кабинета, держа на отлете визжащий смартфон. Доносящийся из трубки голос я не узнала, но предположила, что это Бакланов. Обманулся, бедняга, в ожиданиях.

– Индия. – Босс обратился ко мне, но тут же перевел

взгляд на моего сменщика. – Нет, Василий, Индия уже может быть свободна. Сообщите капитану, пусть уведомит пассажиров, что мы остаемся тут до завтра.

– Нарушим расписание круиза? – удивилась я, еще не сообразив, какой подарок получила.

– Дадим нашему талантливому другу второй шанс воспользоваться островной натурой, – объяснил Мамаев.

Только тут до меня дошло, что все это значит: я свободна до утра и могу провести ночь на прекрасном греческом острове!

– Разрешите идти? – прозвучавший в моем голосе энтузиазм заставил обычно невозмутимого босса усмехнуться.

– Свободны, Индия! Увидимся в девять ноль-ноль.

Спал ли хоть кто-нибудь в эту ночь? Сомневаюсь.

Кажется, все пассажиры лайнера предпочли максимально насладиться пребыванием на берегу и заполонили весь остров, не давая покоя и местным жителям. Впрочем, в городках, чье благополучие целиком завязано на туризме, против сверхурочной работы обычно не возражают.

Прогуливаясь, я проходила мимо маленьких ресторанчиков и кофеен со столиками прямо на узких улочках и даже на лестничных площадках. На берегу шумела и сверкала огнями дискотека, там и тут звучала музыка, люди танцевали, смеялись, обнимались в самых неожиданных местах. Всем было весело, я тоже не скучала и даже не чувствовала себя

одинокой, хотя мне, конечно, хотелось бы оказаться в приятной компании. Эх, Денис, где ты...

Меня то и дело пытались то увлечь в пляс, то подтянуть к барной стойке, но я нигде надолго не задерживалась. Летние ночи коротки, а другой такой возможности у меня может и не быть! Если Бакланов использует свой второй шанс и все-таки снимет на прекрасном острове такой фотопортрет мадам, который устроит ее взыскательного супруга, «Аркадия» больше не выйдет из расписания, и до конца круиза я буду заточена на борту.

Странное дело, стоило только вспомнить Бакланова, как я его увидела.

Антон не отдыхал, он работал. И не давал отдыхать другим – своей модели, ассистенту, стилисту. Из-за этого маленькая группа напряженных людей с сердитыми лицами сильно диссонировала с окружающими.

Я постаралась обойти их так, чтобы меня не увидели. Не нужно, чтобы и меня привлекли к организации съемочного процесса! Я слышала, как Бакланов ругал Диму, у которого элементарно не хватало рук, чтобы держать одновременно фонарь и просторное светоотражающее полотнище из подобию фольги.

Я предусмотрительно отошла подальше от этой творческой группы, но ее участники еще пару раз нагоняли меня, поскольку двигались все дальше в поисках новых выигрышных локаций. В конце концов они пошли в гору, а я верну-

лась на «Аркадию». Близился рассвет, а мне предстоял очередной трудовой день, надо было хоть немного поспать.

Перед тем, как закрыть плотной роллетной шторой окно в своей каюте, я бросила прощальный взгляд на берег и вздохнула. Ступенчатая громадина острова, поднимающаяся к бледно-розовому небу в рваной сети набежавших под утро сине-сиреневых облаков, выглядела очень красиво.

Если Бакланов на такой натуре не сделает фантастические снимки, грош цена ему как художнику!

Не проспала я лишь потому, что сообразила поставить будильник в телефоне, но все же явилась на работу с небольшим опозданием. Было уже начало десятого.

подавив предательский зев, я одернула на себе строгую блузку и толкнула дверь апартаментов Мамаева.

– Аркадий Кириллович, доброе утро, прошу прощения за опоздание...

– Ничего себе – доброе утро. – Из кухни выглянул Василий. – Или ты еще не в курсе?

– А что случилось? – Я прошла в помещение. – И где Аркадий Кириллович?

– На берегу.

Запищала кофеварка, Вася взял полную чашку и покосился на меня:

– Будешь?

– Сама сварю. – Я оттеснила его от кофемашины, привычно задала ей программу. – Так почему босс на берегу?

– Катерина разбилась.

Я чуть не выронила чашку – к счастью, еще пустую.

– Как – разбилась?!

– Упала с кручи во время фотосессии. – Вася глотнул кофе, поморщился, поискал глазами сахарницу и потянулся к ней. – Бакланов в погоне за красивым кадром поставил ее слишком близко к обрыву.

– А сам не упал?

– Нет. Но и Катерину не удержал. – Он замялся, слишком старательно размешивая сахар в чашке.

– Говори уже, – потребовала я.

– Похоже, он ее и толкнул, – неохотно сказал Вася. – Орал, руками размахивал, ну и зацепил... Не думаю, конечно, что нарочно...

– Насколько сильно разбилась Екатерина Максимовна? – осторожно спросила я.

Кофеварка пискнула отчетливо издевательски.

– Ну а сама-то как думаешь? – рассердился коллега. – С сорока метров на скалистый берег... Максимально она разбилась. Совсем. То есть насмерть.

Я тяжело опустилась на стул.

– Ох... И что теперь будет?

– Босс вернется – узнаем. – Вася поставил на стол опустевшую чашку и с силой потер лицо. – Я посплю пока, ладно? К себе не пойду, на диване прилягу.

Он ушел в гостиную. Я выпила свой кофе, совершенно не

ощутив ни его вкуса, ни ожидаемого прилива бодрости, и на цыпочках, чтобы не мешать устроившемуся на диване коллеге, прокралась в кабинет. Разбирать почту в отсутствие Мамаева казалось неприличным, да и вообще было непонятно, чем уместно заниматься в такой момент.

Я все-таки села за стол с компьютером, пригорюнилась и задумалась.

Деревянный квадрат на стене неприятно мозолил глаза.

Я долго смотрела на него, потом встала, подошла к стене и решительно потянула на себя деревянные створки.

Против ожидания они легко открылись. И никакой сигнал тревоги не зазвучал – во всяком случае, в кабинете и вообще в апартаментах было тихо, только на диване в гостиной тихо посапывал Вася.

А киот не пустовал. В нем действительно помещалось произведение искусства, но совсем не то, которое я ожидала увидеть.

В обрамлении темного дерева сияла сусальным золотом фотография Екатерины Мамаевой работы Антона Бакланова – тот самый снимок, сделанный вчера. С соломенной шляпой вместо фигового листа.

– Золотая Катрин. – Я вспомнила слова Мамаева.

В голове не то щелкнуло, не то пискнуло.

Моя внутренняя «кофемашина» наконец-то переварила разрозненные факты, соображения, подозрения – и выдала готовый продукт.

Аркадий Кириллович вернулся к вечеру. Едва войдя в свои апартаменты, он распорядился вызвать Васю, доктора и Лизу. Я пригласила их, они явились без задержки, и босс объявил нам, выстроившимся в ряд на пороге гостиной, что более не нуждается в наших услугах.

– Вы можете вернуться домой, я оплачу перелет, или остаться на борту и продолжить круиз в качестве пассажиров, все расходы за мой счет. – Мамаев явно устал, но не выглядел выбитым из колеи.

Я с невольным уважением подумала, что настоящую акулу империализма даже личной трагедией не проймешь.

– Подчеркну, что претензий к вашей работе не имею, готов дать рекомендации, оплату по контрактам произведу полностью. Благодарю за службу, с этого момента вы свободны.

Вася молча кивнул и вышел. Доцент Арутюнян открыл рот, снова закрыл его, пожал плечами, развернулся и тоже удалился. Лиза, плаксиво кривясь, пробормотала слова соболезнования и выбежала. Я осталась стоять, пристально глядя на босса.

– Хотите что-то спросить или сказать, Индия?

На самом деле Аркадию Кирилловичу явно было неинтересно, что я могу спросить или сказать. Он уже повернулся, чтобы уйти, даже взялся за ручку двери кабинета, но я произнесла:

– Всего два слова. «Золотая Адель»!

Мамаев сначала замер вполоборота, а затем распахнул дверь и подвинулся:

– Заходите, поговорим.

В кабинете он сел за стол, а я прошла к окну с видом на остров.

– Продолжайте, – сухо сказал босс.

Я повернулась к нему.

– Что будет с Антоном?

– Это решит суд. Свидетели видели, что он толкнул Катерину, и дали соответствующие показания местной полиции. Однако оба – и ассистент фотографа, и эта девушка-гример...

– Клавдия.

– ...уверены, что произошел несчастный случай. Фотограф и модель спорили, он крайне бурно жестикулировал, а она стояла слишком близко к обрыву. Он ничего такого не хотел.

– Он-то да, – кивнула я. – А вы, Аркадий Кириллович? Именно такую развязку планировали?

– Не понимаю вас.

– Понимаете.

Я подошла к киоту и распахнула деревянные створки.

– Как вы назвали вчера это фото – «Золотая Катрин»? Подходяще. Но я уверена, что до недавнего времени тут помещалось другое произведение искусства. Не покажете мне

его?

С минуту Мамаев молчал. Я уж подумала – откажет мне и прогонит прочь, но неожиданно он усмехнулся, встал из-за стола, открыл встроенный сейф в стене и вынул оттуда небольшой бумажный лист.

– Уж извините, в руки не даю, сами понимаете, музейная ценность.

– Понимаю, – согласилась я, жадно разглядывая рисунок. С виду – ничего особенного. Довольно небрежный карандашный набросок дамы, сидящей в кресле.

– Не впечатляет? – съязвил Аркадий Кириллович.

– Не впечатлил бы, если бы я не знала, сколько вы за него заплатили на аукционе. Это же Густав Климт, не так ли?

– Разбираетесь в искусстве?

– Не очень. Но знаю, что это один из сотни набросков к самому известному произведению Климта – портрету Адели Блох-Бауэр, известному также как «Золотая Адель». Читала историю этой дамы.

Мамаев запер рисунок в сейф, вернулся за стол и всем своим видом показал, что готов слушать дальше.

Я не заставила себя упрашивать.

– Адель Блох-Бауэр была женой немолодого сахарозаводчика и покровителя искусств Фердинанда Блоха – и любовницей Климта. Ее муж узнал о связи Адель с художником и придумал хитрый ход. Он заказал Климту портрет супруги в расчете на то, что за время работы над картиной любовники

пресытятся друг другом. Так и вышло. Еще бы! Ведь Климент писал «Золотую Адель» долгих четыре года, сделал больше ста набросков, пока получилось так, как он хотел.

– И вы провели параллель?

– Она очевидна, не так ли? Вы узнали о романе Екатерины Максимовны с Антоном. Конечно, сейчас другие времена, и развестись с неверной супругой не составило бы труда, но только не для вас. Ведь вы переписали на нее значительную часть своих активов.

– Все-то вы знаете.

– Не все, – возразила я. – Скажите, случайными людьми в большом количестве вы в этом круизе окружили себя специально? Доктор, ночной и дневной секретари, горничная, само это строгое расписание – все нужно было на случай, если в какой-то день и час вам понадобится алиби? Полагаю, вы единственный наследник своей жены.

– Думаете, я планировал преступление?

– Во всяком случае, рассчитывали на что-то подобное, – рассудила я. – Наверняка выяснили, что Бакланов вспылчив, знали ту его историю с избитой моделью... В любом случае добром все не кончилось бы, так или иначе, но после этого круиза любовники расстались бы.

– Еще что-то? – Аркадий Кириллович слегка приподнял брови.

– Все. Финита ля комедия. – Я встала и пошла к двери.

– Вы же понимаете, что все это абсолютно недоказуемо?

И ненаказуемо.

– Абсолютно, – согласилась я.

И уже вышла из кабинета, когда услышала за спиной неожиданное:

– Индия, а ведь вы прошли испытательный срок. Хотите в штат? Я люблю умных людей.

– А я – порядочных.

Я без вульгарного стука, но плотно прикрыла за собой дверь кабинета.

Прошагала по коридорам, вышла, жмурясь от солнца, на палубу. Кажется, никогда еще не была здесь белым днем...

У бассейна все шезлонги были заняты, в воде мокли, плавали, плескались безмятежные люди. Похоже, пассажирам о трагической гибели жены олигарха не сообщили – и правильно, зачем портить людям отдых.

Я набрала знакомый номер и, едва дождавшись отклика в трубке, сказала:

– Привет, Денис, у меня получилось закончить работу досрочно, и уже завтра или послезавтра я буду дома! Ты доволен?

– Очень! – обрадовался любимый. – Но как же твой круиз?

Я посмотрела на море, на белую, как сахарная голова, гору в домиках, на глянцевое голубое небо, с которого бесследно пропали облака...

– А в круиз мы с тобой отправимся вместе.

Татьяна Устинова.

Куртка из проклятий

Просто так шататься по Иерусалиму не имеет никакого смысла. Правда.

«Просто так» можно шататься по Питеру или, скажем, по Парижу. По Екатеринбург можно, я пробовала. Вот набережная, а вот река Урал. А вот памятник основателям железодобывающих заводов – нашему Демидову и голландцу Генину. А вот и надпись, повествующая о том, что это памятник именно им, а не Минину и Пожарскому. А что? Вполне можно перепутать – два дядьки в странных одеждах, кто их знает, кто такие!..

В Иерусалиме такие штучки не проходят. Там как-то очень быстро понимаешь, что здесь все началось и здесь же, по всей видимости, все и закончится. Там булыжник не перекладывали с тех самых пор, как по нему бродили Иисус и Пилат.

Там узкие улочки и странные стены. Там мальчишки играют в футбол на улице, которая ведет к Храму, – а зачем нужна улица, которая не ведет к Храму (писать непременно с большой буквы)...

Там пещеры, чахлые деревья и кладка времен крестоносцев кажется оскорбительным новоделом.

И там Митя.

Мы полетели в Израиль на книжную ярмарку, и почему-то не было никакой культурной программы. Мы зашли в туристическое агентство посреди Тель-Авива и обрели Митю.

Видимо, навсегда.

Разумеется, он доктор наук и, ясное дело, из Питера. Разумеется, он ироничен, тонок, смешлив и до неприличия хорошо образован.

Ходить с Митей по Иерусалиму каждый раз серьезное испытание, потому что он не признает никаких рамок. Вот эта вся канитель – у вас оплачено два часа, а мы гуляем уже два часа десять минут – решительно не про него. За ним хорошо бы записывать – но где там!.. Наши познания в истории, философии, географии так смешны, что это все равно, что мой сын Тимофей девяти лет от роду принял бы записывать лекции по физике за Львом Ландау.

Ну все равно ничего, кроме смеху, не вышло бы.

Любая экскурсия по Иерусалиму состоит в том числе из крыш.

Во-он крыша храма, где перестала дышать дева Мария, мама Иисуса. А вон, весь в зелени, дом с горницей, где проходила тайная вечеря – в Гефсиманском саду.

В какой-то очередной раз мы с Митей залезли на крышу и простояли там примерно часа полтора. Митя все рассказывал, а мы все слушали.

– А вон в том доме, – сказал Митя, и мы покорно повер-

нулись и посмотрели, – музей истории Холокоста. Сходим?..

Тут я очень тихим от усталости и очень твердым от переживаний голосом объявила своим подельникам, что в музей Холокоста я не пойду. И точка.

Есть вещи, которые я не могу проделывать.

Ну вот я никогда не посещаю детских домов. Ни образцово-показательных, ни заброшенно-ужасных. Никаких. Я точно знаю, что после посещения такого рода заведений стану социально опасной и меня придется изолировать от общества.

И в музей Холокоста – ни за что.

– Да и не нужно, – сказал Митя осторожно. – А историю хотите?.. Я расскажу.

Вот вам история: в одном лагере смерти очень старому и очень религиозному еврею немцы приказали сшить им кожаную куртку, но не из простой кожи, а из самого святого, что только может быть в жизни любого религиозного еврея, – из свитков Торы. Как известно, Тору делают из кожи кошерного животного, и кожа эта самая тонкая и прочная. Или куртка, сказали немцы, или мучительная смерть, и не только ему, но и всем, кто был с ним в бараке. А это человек двести, что ли.

И у старого еврея получился выбор: или святотатство, отвратительное, худшее из того, что можно себе представить, или смерть – не только его, но и совсем не религиозных молодых мужиков, ничего не понимающих в том, что Тора того стоит, и перепуганных пацанят, которые держатся из по-

следних сил, и мальчишек вроде нашего Тимофея, которые совсем ничего не понимают, кроме того, что жизнь в одночасье стала ужасной, неудобной, голодной и страшной, и непонятно, где мама и зачем нужно каждое утро вместо завтрака под окрики часового мчаться на построение и показывать выжженный на детском запястье порядковый номер!..

И вы знаете, он сделал выбор.

За ночь он сшил эту проклятую куртку.

И его не расстреляли. И барак не расстреляли тоже, по крайней мере на этот раз.

Старик был очень старым и уж точно читал на древнееврейском. В отличие от нацистских ефрейторов.

Он раскроил куртку так, что она оказалась сшитой исключительно из тех мест, где проклинались злодеи, а нацисты ничего не поняли. Совсем ничего. Ничегошеньки.

Козлы потому что.

И Митя рассказывал, как бы немного посмеиваясь надо мной, что я не хочу идти в музей и боюсь его!..

Это вопрос выбора, вот что. Вся наша жизнь – вопрос выбора. Какая новая и свежая мысль!..

Можно погибнуть, потому что недоумки с автоматами или обстоятельства сильнее, или попытаться их обойти, оставив обстоятельства и недоумков с носом.

И с тех пор, как Митя мне это объяснил, я все время пом-

ню про старого еврея, кожаную куртку и выбор. И точно знаю, что он у меня есть.

Ольга Баскова.

Беспокойный отпуск

Глава 1

Сергей Белоногов, майор полиции одного из многочисленных городков Центральной полосы, неожиданно получил отпуск в июле.

Для семьи это оказалось праздником. Если уточнить, что отпусками полицейских не радуют и вообще у них все зависит от загруженности, Сергею повезло просто несказанно. Когда до восьмого июля осталась неделя, Белоногов попросил жену ни словом не упоминать о грядущем событии – не дай бог, сглазят! – и сам боялся об этом думать. В результате на море в Ялту они не попали. Июль, что ни говори, – один из самых удачных месяцев для отпуска, и южные городки до отказа набиты курортниками – теми, кто жаждет поджариться на солнышке и поплавать рядом с дельфинами в теплой, иногда слишком, воде. В общем, из-за этого билетов в Крым и на Кавказ не оказалось, и Белоногов малость приуныл. Хорошо, хоть сыну повезло, нашлось место в детском оздоровительном лагере на Азовском море. Теща же, напротив, не скрывала радости.

– Дача давно вас ждет! – зловеще прошептала она. – Приезжайте, отдохните, тут вам и речка, и лес.

«Отдохните» звучало довольно странно, если учесть, что на огороде и в саду всегда была масса работы. Жена посмотрела сначала на маму, потом на мужа и неохотно изрекла:

– Может, действительно им помочь?

Сергей чуть не сорвался, но вовремя сдержался. Он мечтал о самом настоящем отдыхе, на пляже с белым песочком, а не на фазенде – тесть называл дачу только так – со шлангом или лейкой в руках.

– Мне обещали путевку в санаторий, – произнес он неуверенно, и жена почувствовала, что супруг, мягко говоря, обманывает.

– Да что ты, какую путевку, кто тебе даст? – закудахтала она, но Белоногов счел нужным не распространяться и прекратил разговор, к которому, правда, они вернулись вечером.

– Лана, ну не хочу я трудиться, трудиться и трудиться, как вождь мирового пролетариата, – жалобно проговорил полицейский. – Может, что получится с морем?

– Если до восьмого не получится, едем к моим. – Лана умела расставлять все точки над *i*. Белоногов попытался возразить, но совсем слабо, и утром принялся искать варианты отправиться на море. Ему повезло. Возвращаясь из магазина, он столкнулся в подъезде с соседом, бледным программистом Владиком, и тот вцепился в его мужественную руку.

– Серега, выручай.

– Смотря как, – отшутился майор, и Владик, не выпуская его руки, затараторил:

– Мы с Дашкой купили путевку в санаторий «Ай-Петри» в Таманском под Феодосией. Там классно, песочек такой золотой и водичка прозрачная. А тут Дашка в супермаркете какой-то акционный стиральный порошок купила и выиграла поездку в Таиланд. До этого за границей мы не были и неизвестно когда поедем. Теперь нам позарез нужны деньги. Выручишь, а? Заодно и в море искупаешься.

Сосед смотрел на полицейского с преданностью и готовностью выполнить любое поручение и был очень удивлен, когда Белоногов легко, как ребенка, подхватил его и pokrужил на месте:

– Дружище! Спасибо тебе, выручил! За путевку деньги тебе дам и еще сверху прибавлю.

Так супруги Белоноговы оказались под Феодосией, в трехэтажном корпусе, с прекрасным парком. Отдыхающих набилось несметное множество, с детьми разных возрастов, которые разнообразили спокойную санаторную жизнь шумом и гамом. Тем не менее Белоноговы благодарили судьбу. Они взяли напрокат машину и с утра уезжали то в близлежащие городки, то на дикие пляжи, возвращаясь в номер с наступлением темноты. Однажды в очереди за билетами в дельфинарий Белоногова окликнул знакомый мужской голос:

– Серега, ты?

Майор обернулся и заулыбался:

– Сашка? Карагодов? Какими судьбами?

– Вот перевели из Питера, – его однокурсник ни капельки не изменился, оставшись таким же стройным и подтянутым. – Сначала скучал по культурной столице, потом привык и даже стало нравиться. А ты какими судьбами?

– Банально в отпуске, – пояснил Белоногов. – Отдыхаю в санатории «Ай-Петри». Будет время – заходи.

– Ты же знаешь, какие мы свободные, – улыбнулся Карагодов. – Лучше вы к нам. Давай обменяемся телефонами.

Высылая телефон приятелю, Сергей заметил пару, которая давно привлекла его внимание. Женщина лет тридцати, стройная, белокурая, с огромными зелеными глазами и точеными чертами лица, работала в санатории медсестрой. Мужчина, намного старше, седой, почти белый, с красноватым нездоровым цветом лица, годился ей в отцы, и Лана, встречая их в парке, говорила мужу:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.